

И. В. Белинцева
(Москва)

Архитектор Мариан Лялевич после 1918 г.: другая Балтика

Мариан Станиславович Лялевич (21.11.1876 — сентябрь 1944) — поляк, родившийся в Вылковышках Сувальского уезда, получил образование и сформировался в России, но последние 25 лет жизни проработал в Польше¹. М. С. Лялевич — известный архитектор, имя которого занимает устойчивое место в отечественных и польских исследованиях по истории архитектуры в качестве «представителя академического классицизма».

Следует отметить, что сооружения мастера, возведенные в начале XX в. в Петербурге, хорошо изучены в отечественной науке, в то время как польский период его активной творческой деятельности остается практически вне поля зрения исследователей². Немногочисленные работы польских ученых, за небольшим исключением, также

---

¹ Лялевич Мариан Станиславович окончил Академию художеств в 1901 г., академиком стал в 1912 г., служил в канцелярии Ведомства учреждений императрицы Марии, с 1906 г. преподавал в Технологическом институте, Институте инженеров путей сообщения, Школе десятников, на женских Высших архитектурных курсах Е. Ф. Багаевой. В 1910-е гг. Лялевич был членом правления и председателем Общества архитекторов-художников. Помимо многочисленных сооружений в Санкт-Петербурге, он построил здание товарищества «Треугольник» в Москве, курхауз в Гунгенбурге (Усть-Нарва), усадьбу в Куярве (*Гинзбург М. А. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 201–202*). В 1918 г. уехал в Польшу. Погиб в августе 1944 г. во время варшавского восстания.

² М. С. Лялевич фигурирует в трудах Б. М. Кирикова (*М. Лялевич // Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начала XX века / Сост. В. Г. Усаченков. СПб., 1998; Архитектурные памятники Санкт-Петербурга. Стили и мастера. СПб., 2003. и др.*), в исследованиях Е. И. Кириченко, Г. И. Ревзина и других.

в основном посвящены его деятельности в России предреволюционного времени³. Монографическое исследование о М. С. Ляевиче еще ждет своего автора, а относительно краткие сведения о его жизни и творчестве в современных научных трудах не дают полной картины сложения и развития художественного стиля этого зодчего. Мастер оказался сложной промежуточной фигурой в месиве интернациональных, точнее, польско-русских связей, вполне соответствуя поговорке «свой среди чужих, чужой среди своих», несмотря на его популярность среди современников и в той и другой стране. Знамательно, что Р. Г. Пиотровский в своей книге «Поляки в Петербурге: страницы истории» (СПб., 2001) из когорты польских архитекторов и строителей, работавших в городе в первые десятилетия XX в., упомянул лишь М. С. Ляевича, в качестве автора проекта здания Государственной думы, и И. С. Кричинского⁴.

Петербургский архитектор М. С. Ляевич работал в Польше начиная с 1918 г. Конкретные обстоятельства его отъезда в настоящее время не исследованы, хотя в целом картина ясна. 11 ноября 1918 г. было провозглашено независимое Польское государство, верховная власть в котором принадлежала Ю. Пилсудскому, называвшемуся «начальником государства». Октябрьский переворот и создание после долгих десятилетий раздела собственного национального государства кардинальным образом изменило течение польской жизни в Петрограде. В Санкт-Петербурге по данным переписи 1900 г. проживало 38 314 поляков, в 1906 г. — уже 45 тысяч. К началу Первой мировой войны это число увеличилось до 75 тысяч человек⁵. «Используя возможности репатриации, в 1919–1924 годах город покинула значительная часть польской элиты — интеллектуальной, политической, предпринимательской. Всего репатрировалось около

---

³ Библиография немногочисленных работ польских ученых приводится в статье: *Pasieczny R.* Klasycyzm akademicki w twórczości Mariana Lalewicza // *Klasyccyzm a klasycyzmy.* Warszawa, 1998. S. 197–212. Одна из последних работ с упоминанием М. Ляевича: *Смилановска М.* Польские архитекторы между Петербургом и Варшавой // Пинакотека. № 5. 2005. Автор выражает признательность С. С. Лавошко за предоставленные дополнительные материалы, связанные с жизнью и деятельностью М. Ляевича, в том числе статьи: *Pruszyński J.* 1) Professor Marian Lalewicz i Towarzystwo opieki nad zabytkami przeszłości // *Spotkania z zabytkami.* Czerwiec 2006. Warszawa. S. 12–14; 2) Profesor Marian Lalewicz (1876–1944) // *Kwartalnik Architektury i budownictwa.* 1993. Z. 1. S. 57–70; *Zachwatowicz J.* Lalewicz Marian (1876–1944) // *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. T. XVI/1. Z. 68. S. 413–414; *Niemojewski L.* Marian Lalewicz // *Rocznik Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Lata XXXI–XXXVIII.* 1938–1945. Warszawa, 1954. S. 212–214; *Łosa St.* Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa, 1954. S. 167; *Czy wiesz kto to jest?* / Pod red. St. Łosa. 1938. S. 409–410.

⁴ *Пиотровский Р. Г.* Поляки в Петербурге: страницы истории. СПб., 2001. С. 32.

⁵ *Łukwaski Z.* Ludność polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław, 1978. S. 90.

60 тысяч человек. Остались рабочие, бедная интеллигенция, а также все, кто связал свою судьбу с большевиками»⁶.

Большинство из уехавших поляков сделали на исторической родине успешную карьеру: несмотря на отрицательное отношение как к царской, так и к Советской России, полученное там образование и общественное признание высоко ценилось в Польше межвоенного времени. Архитектор Мариан Лялевич «стал автором значительных зданий и комплексов общественного назначения в Варшаве, Калише, Оксиви, Гдыне, Седльце и других городах»⁷. В Польше того времени он считался одним из трех наиболее популярных мастеров классицистического направления, наряду с А. Шишко-Богушем и П. Вендзягольским.

Ряд построек М. С. Лялевича (возможно, вторых по значимости, после работ в столичной Варшаве), связаны со строительством города-порта на побережье Балтики — Гдыни. Как когда-то Петербург для России, этот город-порт, заложенный в конце 1910 — начале 1920-х гг., служил морским «окном» в Европу для ставшей в 1918 г. независимой Польши. (В отличие от Санкт-Петербурга, Гдыня никогда не претендовала на роль столичного города.) Гдыня — редкий в Европе XX в. пример нового городского образования, возникшего не в ходе продолжительного исторического развития, а одновременно, на протяжении одного-двух десятилетий. Формирование планировки и архитектурного облика города служит примером сложного взаимодействия в современных условиях факторов, принадлежащих разным уровням, — общественно-политическому, вызвавшему необходимость строительства города-порта на Балтике; градостроительному, связанному с мировым опытом создания регулярных городов-колоний на завоеванных территориях; национально-географическому, определившему в конечном итоге своеобразие этого городского организма.

Территория, на которой была расположена Гдыня, в состав Польши вошла после окончания Первой мировой войны, в результате подписания Версальского трактата. Согласно статьям 27 и 28 Версальского мирного договора, Польша получила 62 % земель Западной Пруссии в виде коридора к морю, причем собственно морское побережье составляло всего 2,5 % польских границ⁸. Это была часть берега Балтийского моря с полуостровом Хель, общей длиной 147 км (если исключить длину побережья полуострова, протяженность берега составляла всего 74 км). В этом исторически освоенном прибрежном районе, тем не менее, на протяжении

⁶ *Пиотровский Р. Г.* Поляки в Петербурге... С. 34.

⁷ *Гинзбург М. А.* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: Справочник // Под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб. 1996. С. 201–202.

⁸ Версальский мирный договор. М., 1925.

нескольких десятков километров не было ни одного крупного города, ни одного порта, лишь рыбацьи и курортные поселки⁹.

Для Польши межвоенного времени выход к морю имел важное торговое и военно-стратегическое значение, которое можно сравнить с петровскими приобретениями начала XVIII в. на берегах Балтики. Здесь, как в свое время в России эпохи Петра I, было необходимо на бывшей чужой территории за короткое время возвести город-порт, знаменующий торжество новой государственности.

Город развивался очень быстро: заложенная в 1918 г., Гдыня к концу 1930-х гг. стала шестым по площади городом Польши после Варшавы, Вильно, Познани, Быдгоща и Львова. Основой его быстрого развития послужила прежде всего государственная собственность на землю, позволившая создать значительный регулярный город по «гипподамову плану», с сеткой прямых улиц. К началу строительства на этой территории существовали лишь рыбацкое поселение и небольшой приморский курорт. Собственно Гдыня была неприметной деревушкой, лежащей среди болот вблизи речки Хилонки. Возводимый город долго считался деревней — вплоть до декабря 1926 г. функции управления исполнял деревенский совет¹⁰.

В 1920—1930-е гг. город рассматривался как спутник порта, развитию которого уделялось особое внимание. Идея города возникла, когда стало ясно, что для обслуживания порта необходимо большое количество людей различных специальностей. Главным пропагандистом будущего судоходства в Польше 1920—1930-х гг. был контр-адмирал российского флота Казимеж Порембский¹¹. Среди привлеченных им специалистов

---

⁹ *Widernik M. Z dziejow miasta. 1926–1939 // Gdynia. Praca zbiorowa. Gdańsk, 1968. S. 60.*

¹⁰ Ближайшим крупным портом, способным принимать полнотоннажные суда, был Гданьск (нем. Данциг). Данциг с окружением (около 8 % Западной Пруссии) был провозглашен «вольным городом» под управлением Лиги Наций (ст. 100–102). Согласно условиям Версальского договора, Польша получала преимущественное право пользоваться гданьским портом. В первые годы существования независимой Польши идея создания собственного морского хозяйства не была предметом общественного интереса, так как существовала надежда, что Гданьск будет лояльно сотрудничать с Речью Посполитой. Понадобилось несколько лет, чтобы разрушить эту концепцию. В действительности между «вольным городом» Гданьском и правительством Польши преобладала конфронтация, достигшая апогея в годы войны с Советской Россией. Солидарные с Россией немецкие портовые рабочие отказывались разгружать французские транспорты с амуницией для войск генерала Пилсудского. Только с помощью французских солдат удалось организовать разгрузку. Нелояльность гданчан по отношению к Польше послужила одной из причин рождения идеи строительства собственного независимого порта на побережье Балтийского моря (*Tyczel J. Pod ojczystą Bandera. Katowice, 1930. S. 82*).

¹¹ *Michalski Z. Wiceadmiral Kazimerz Porębski — pionier myśli i polityki morskiej 2-j Rzeczypospolitej // Okręgowiec. R. XXXIV. 1989. № 7. S. 7.*

преобладали выходцы из России, имевшие опыт в морском деле, как, например, Эдмунд Крыжановский, Тадеуш Венда и другие. Т. Венда — уроженец Варшавы, окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, долго и плодотворно работал в России, где был известен своими проектами и реализацией портов в Виндаве, Ревеле, местечке Ройен близ Риги и др. После возвращения в Польшу сотрудничал в секции торгового флота Министерства морских дел. Его мнение повлияло на окончательный выбор местоположения нового порта — именно в Гдыне (а не на полуострове Хель, Чеве и иных местах, которые предлагались в качестве альтернативных). Впоследствии Т. Венда писал: «Лишь одно место соответствовало требованиям строительства большого порта на польском побережье. Этим местом была долина между так называемой Кемпой Оксивской и Каменной Горой, где лежала маленькая рыбацкая деревушка Гдыня»¹². Первый деревянный мол, открытый 23 мая 1921 г., был назван в честь Т. Венды. Ему принадлежит проект военного порта (февраль 1925 г.) на Оксиви — в районе Гдыни, где разместилось также военное поселение.

Среди приглашенных к строительству нового города закономерно оказался известный петербургский зодчий Мариан Лялевич, так как К. Порембский привлекал сюда всех своих знакомых по России. Монументальный стиль архитектурных работ зодчего соответствовал важности поставленной задачи первоочередного строительства репрезентативного центра и военного городка, который разместился вблизи порта. Устройству постоянных портовых сооружений и строительству зданий управления военного флота придавалось важное политическое значение. Их архитектура служила символом утверждения господства Польши на морском побережье. Но стремление к парадности и репрезентативности в данном конкретном случае сдерживали соображения стратегического характера: важный военный объект не предназначался для любопытных глаз¹³. Комплекс был огражден стеной, которая сводила на нет общественный пафос архитектурной темы.

М. С. Лялевич создал на Оксиви единый административно-жилой комплекс, включивший управленческие корпуса командования флота,

¹² *Wenda T.* Rzut oka na warunki powstania portu w Gdyni // *Technika morza i wybrzeża.* 1948. № 9–10. S. 14.

¹³ Фотографировать комплекс было строго запрещено, хотя автору этих строк, рискуя прослыть русским шпионом, удалось в 1994 г. сделать несколько снимков. Любопытно, что в периодической печати межвоенного времени можно встретить изображения строящихся объектов, например: *Niemojewski L.* Dwie szkoły w architekturze nowoczesnej // *Przegląd Techniczny.* 1934. № 26. S. 808–816; *Budownictwo marynarki wojennej* // *Morze.* 1927. № 11. S. 11 и др. издания.

жилые здания для офицерского состава и казармы¹⁴. Связанные между собой функционально и композиционно, элементы ансамбля были частично возведены в течение 1924–1930 гг., с небольшими отступлениями от проекта. Архитектор придавал комплексу разнородных зданий своеобразную структуру веерообразной формы, в виде планировочного сегмента, размерами чуть более четверти круга. Расходящиеся от центральных парадных ворот лучи-аллеи соединяются круговыми проходами, вдоль которых размещаются объемы зданий вогнутой формы. Как общее решение, так и немногочисленные детали свидетельствуют о классицистической направленности архитектурного замысла, для которого характерна необычайная сдержанность художественного оформления. Ясно прочитывается трехлучевая схема построения плана, использованная в известных репрезентативных городских ансамблях Версаля и Санкт-Петербурга, но здесь, ввиду локальности задачи, получившая камерный характер: планировочные оси направлены не от города, а внутрь комплекса, придавая ему замкнутый характер. Следует отметить, что веерное расположение улиц встречается в ранних проектах плана Гдыни (например, в плане городского центра, спроектированного в 1926 г. Р. Фелиньским и А. Кунцевичем.)

Комплекс начинается парадными воротами, обращенными в сторону улицы своей вогнутой частью. Это массивный объем, отдаленно напоминающий римскую трехпролетную арку, с равной высоты полуциркульными проездами, над которыми возвышался аттиковый этаж с редкими низкими окнами. Плоскости стен полностью лишены архитектурной декорации, за исключением горизонтальных тяг, проходящих выше и ниже замковых камней, и эдикул в виде двухколонных портиков с треугольными фронтонами, размещенными между проездами. Полуколонны состоят из чередующихся рядов грубо обработанных и гладких камней — мотив, который будет часто встречаться на фасадах общественных сооружений, построенных М. С. Ляевичем в Польше (например, в портике Государственного сельскохозяйственного банка в Варшаве, 1926). Этот маньеристический прием рустованных колонн и пилястров свидетельствует о начинающемся отходе от строго классицистических решений, о разрушении тектонической функции опор в сторону большей декоративности.

За средним проемом ворот открывается вид на здание командования флота. Абрис плана центрального корпуса повторяет полукруглую форму въездных ворот, усложненную выступом портика с вогнутой стороны

---

¹⁴ Краткие сведения о сооружениях М. С. Ляевича в Гдыне содержатся также в кн.: *Soltyś M. Gdynia. Miasto dwudziestolecia międzywojennego. Urbanistyka i architektura*. Warszawa, 1993.

фасада и кубической пристройкой с тыльной стороны. Массивный глубокий портик имеет рустованные четырехгранные опоры-пилоны. Редко расставленные рустованные лопатки украшают торцевые фасады здания. Вертикальная ось сооружения подчеркнута четырехгранной башней с рустованными углами, над которой возвышается тяжеловесная открытая сигнально-смотровая беседка. Специфической чертой возведенных М. С. Лялевицем сооружений являются высокие кровли, характерные для этого региона Балтики.

Остальные постройки военного комплекса столь же строги, даже суровы¹⁵. Рустованные лопатки разной высоты и ширины, полуциркульные ниши, в глубине которых расположены высокие окна — вот немногочисленные архитектурные мотивы, оживляющие жилое здание для руководителей флота и их семей. Сходный прием рустованных пилястр, разрушающих единство стеной поверхности, хотя и в более монументальном варианте, использован М. С. Лялевицем в проекте жилого дома М. Покопиловой на Каменноостровском проспекте в Петербурге (1912). Общий характер сооружений М. С. Ляевича, созданных в Польше, отличается от его же работ, сделанных до отъезда из России, демонстрируя большую лаконичность и суховатость по-прежнему классицистических форм, строгость и симметричность планировки, ясность пространственной композиции, четкость объемов, гораздо меньшее, чем в петербургский период, использование декоративных деталей.

В 1930 г. М. С. Ляевич проектирует и осуществляет здание Государственного сельскохозяйственного банка в Гдыне, который располагался на вокзальной площади города (современная площадь Конституции). Архитектора многократно привлекали к созданию именно банковских сооружений: монументальность и традиционная основательность классицизирующих композиций явно импонировали как частным заказчиком, так и государству (здание Банка польской районной ссудной кассы в Седльцах и Сосновце 1922 г., Государственный сельскохозяйственный банк в Варшаве 1926 г., отделение этого же банка в Гдыне 1930 г. и другие). Для небольших городов М. С. Ляевич нередко выбирает угловые решения, размещая боковые крылья на расходящихся улицах, выделяя центр возвышающейся башней. Постройка в Гдыне отличается особенным лаконизмом композиции фасада. Нижний, рустованный этаж представляет собой ряд высоких арочных проемов, верхние ярусы имеют подчеркнуто плоскостный характер, с узкими окнами и вертикальными пилястрами, замыкающими композицию. Упрощенные

---

¹⁵ Жилой комплекс для офицеров и младшего состава, а также возвышающийся над ним дом главнокомандующего были построены в 1928–1930 гг.

пилястры отмечены рустовкой и темным цветом камня. Декоративные рустованные вертикальные элементы и полуциркульные оконные проемы нижнего этажа корреспондируют со сходным, хотя и более монументализированным архитектурным декором главного здания Государственного сельскохозяйственного банка в Варшаве, возведенного по проекту М. С. Ляевича в 1926 г. В варшавском здании поражает далеко выступающий мощный пилонный портик, в верхней части которого автор разместил между опорами зал для заседаний. В гдыньском сооружении М. С. Ляевича нет подчеркнутого монументализма столичных построек, отсылки к классике столь же сдержанны, как и в комплексе на Оксиви. В других его банковских зданиях классицистические прототипы, тяготеющие, как это ни странно, к композициям русского ампира, более заметны (Банк польской районной ссудной кассы в Седльцах, 1922).

Обращение к ампирным мотивам в сооружениях М. Ляевича в Польше столь же распространено, сколь и удивительно. Работая до Первой мировой войны в Петербурге, он обращался чаще к переработанным идеям Палладио, нежели к наследию классицизма. В условиях межвоенной Польши мастер строит общественные сооружения, нередко опираясь на наследие русской архитектуры позднего классицизма, аналогии которому в польском зодчестве отсутствуют¹⁶. Польские исследователи по-разному пытались объяснить этот феномен: упадком стиля Ляевича, измельчением таланта мастера, сознательным стремлением придать сооружениям подчеркнuto официальный, государственный облик, а также акцентировать принадлежность к европейской строительной традиции. Однако большинство сооружений, особенно в малых городах, носят камерный характер, напоминая скорее уютность московского ампира. Постройки мастера всегда привязаны к месту, провинциальные здания отличаются от столичных масштабом и характером композиционных решений. Присущая М. С. Ляевичу в 1920-х гг. склонность к монументальности и одновременно декоративизму, выраженному рустикой вертикальных опор, нарушающей строгую тектонику классицистических решений, особенно сказывается в его столичных постройках, в подавляющей грандиозности которых заметна специфика государственного заказа в Европе 20–30-х гг. XX в.

Несмотря на то что польские проекты и постройки М. С. Ляевича отличаются разнообразием художественных решений общественных сооружений — управленческих, банковских и т. д., в этом потоке можно

---

¹⁶ *Pasieczny R. Klasycyzm akademicki w twórczości Mariana Lalewicza // Klassycyzm a klasycyzmy. Warszawa, 1998. S. 197–212 (205).*

заметить определенную логику развития. Архитектор постепенно отказывается от чисто классических решений, от явных исторических ассоциаций, под влиянием новаторских течений все более подчеркивая стереометрию простых объемов, хотя и не отказываясь от присущих ему приемов — симметрии и фронтальности. Со временем подобные эксперименты приведут мастера к ар деко — стилю, сочетающему простоту прямых вертикальных и горизонтальных линий, присущую авангардным тенденциям в архитектуре, строгость классических композиционных построений с орнаментальным декоративизмом фасадных решений и отдельных деталей. Важной приметой ар деко является прием аллюзии, присутствие отдаленных намеков на исторические прототипы, существенно упрощенные, словно возвращенные к своим геометрическим основам.

Проектируя в 1934—1935 гг. гарнизонную церковь на Оксиви (построена в 1935—1939), М. С. Ляевич создает сооружение в духе нового стиля, все шире распространяющегося в тогдашней Европе, — в стиле своеобразного модернизированного историзма¹⁷. Мастером использована традиционная для храмов базиликального типа схема плана в виде вытянутого прямоугольника, разделенного на продольные нефы двумя рядами опор. Прямоугольная пристройка алтаря и ризницы характерна для этого региона — подобное завершение восточной части храма использовалось здесь еще в эпоху средневековья, во времена господства на этой территории крестоносцев. Перекрытый плоским потолком храм построен из железобетона, но использована облицовка из камня и кирпича, в сочетании с большими плоскостями стекла и оштукатуренными поверхностями стен. Ступенчатая композиция объемов решена очень современно, с низкими, выдвинутыми вперед боковыми башнями и повышенной центральной частью, динамично устремленной вверх за счет подчеркнутого вертикализма членений фасада. Храм для военно-морского гарнизона, размещенного на Оксиви, можно сравнить с устремленным вперед мощным кораблем. Простота геометрических форм, их динамика в сочетании с многообразием фактуры традиционных материалов в декоративной отделке, вытянутые профилированные лопатки фасада с огромными стеклами между ними, контраст масштабных соотношений упрощенных колонок сверху башни и вытянутых лопаток центрального нефа свидетельствуют о принадлежности храма к стилю ар деко.

---

¹⁷ Конкурсный проект гарнизонной церкви М. С. Ляевича опубликован в польском журнале «Архитектура и строительство» (*Architektura i Budownictwo*. 1933. № 10—12. S. 327).

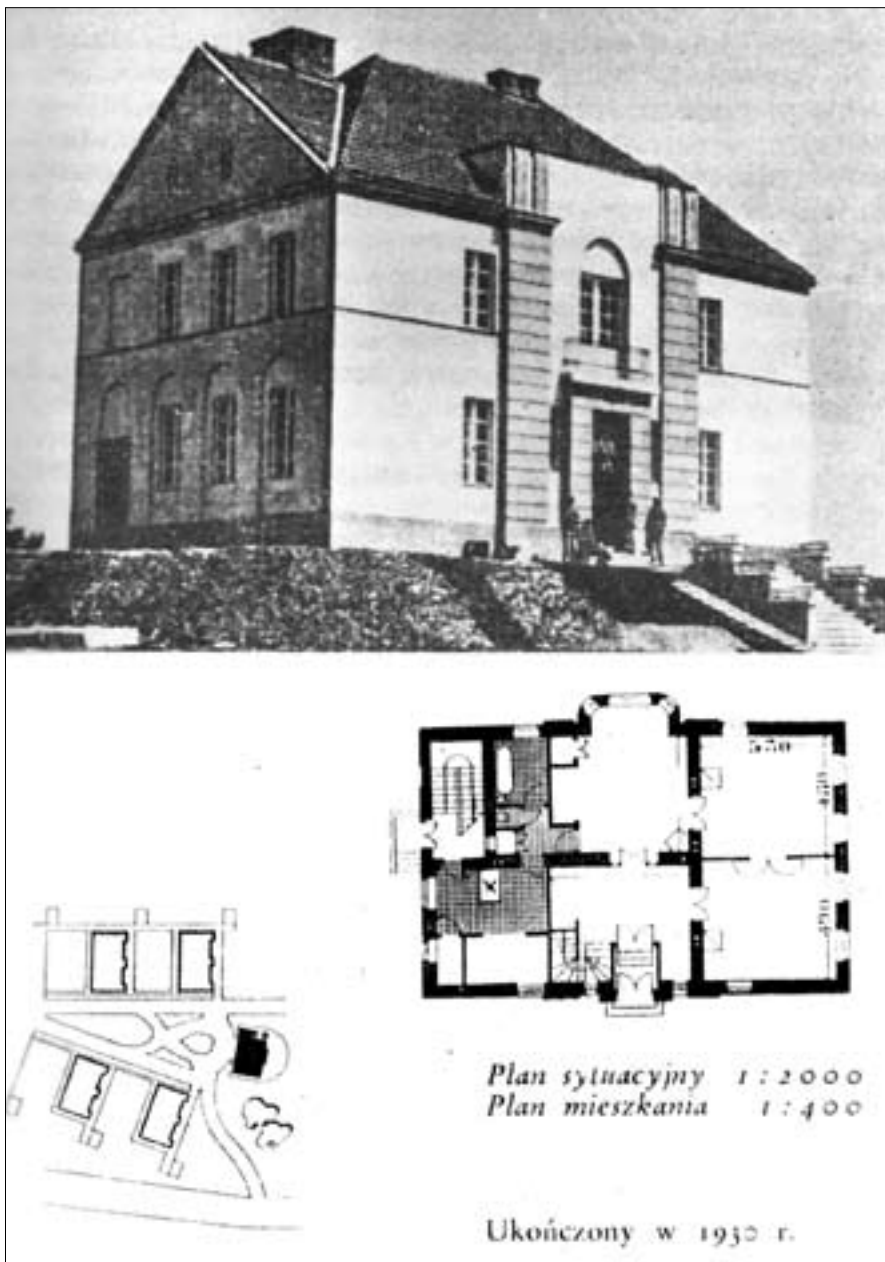
Постройки М. С. Ляевича для Гдыни и ее основного функционального района Оксиви демонстрируют путь, пройденный известным мастером-классицистом от упрощенных форм классики к новому художественному стилю ар деко, сочетающему авангардные и традиционные черты.

М. Ляевич. Комплекс зданий командования флота и казарм военно-морского флота.
Общий вид. г. Гдыня, Оксиви. 1924–1930

М. Ляевич. Комплекс зданий командования флота и казарм военно-морского флота.
Главный фасад (1924–1926). г. Гдыня, Оксиви. 1924–1930

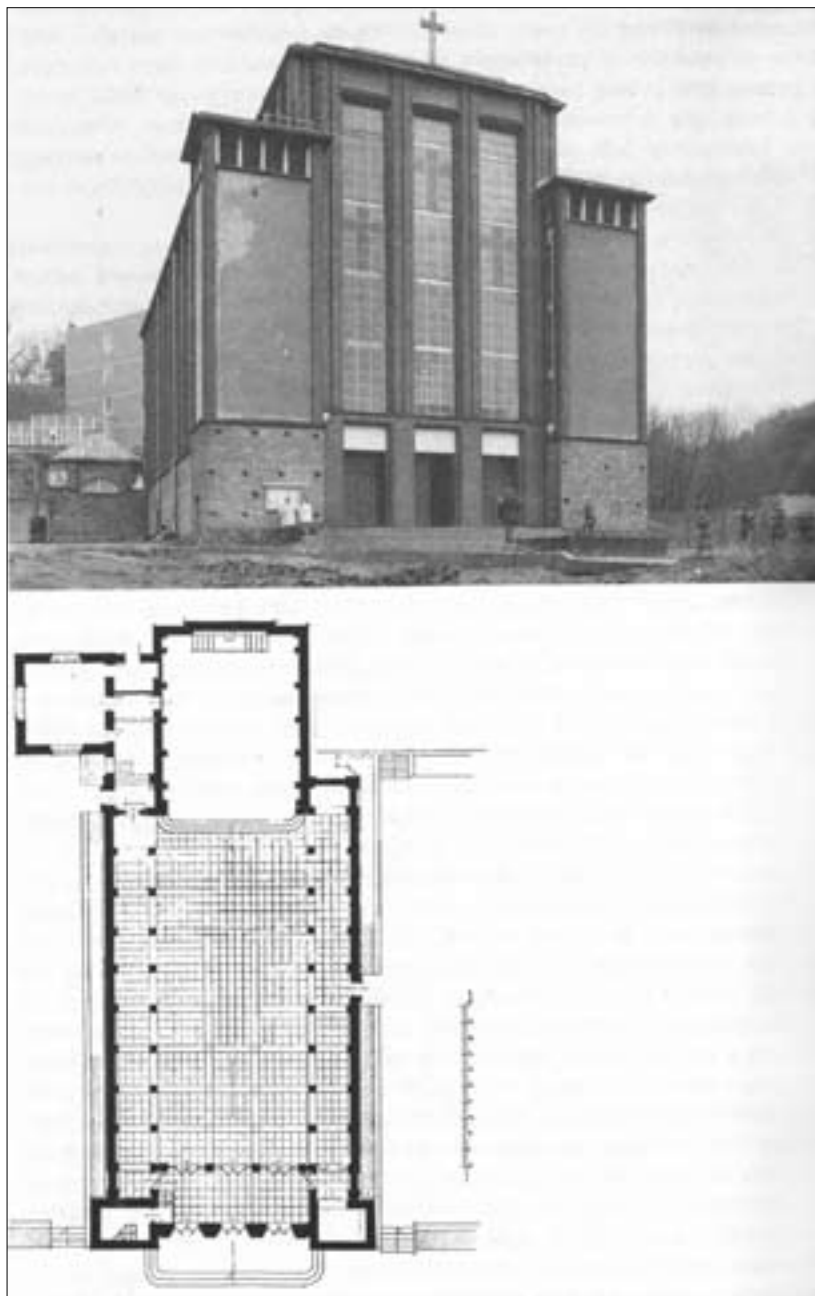
М. Ляевич. Комплекс зданий командования флота и казарм военно-морского флота. Жилой дом командования флота (1930). г. Гдыня, Оксиви. 1924–1930

М. Ляевич. Здание государственного сельскохозяйственного банка. г. Варшава. 1926

М. Ляевич. Банк польской районной ссудной кассы. г. Седльце. 1922

М. Ляевич. Гарнизонная церковь. г. Гдыня. Оксиви. Главный фасад. План. 1935–1939